

 СВАДЬБА

Джордж Клуни остепенился

В минувшие выходные в Венеции лишился звания главного и самого стойкого холостяка Голливуда Джордж Клуни. Взамен репутации он приобрел красивую и умную жену – юриста и эксперта по правам человека Амаль Аламуддин.

Долгие годы Клуни находился «в активном поиске». В его любовно-послужном списке оказались и знаменитости, и студентки, и даже официантка – упрекнуть в снобизме вечного жениха уж точно нельзя. Клуни был женат в течение трёх лет на актрисе Талии Балсам. Пара сыграла свадьбу в 1989 году в Лас-Вегасе. 1990-е сменились нулевыми, наступил XXI век. За это время Клуни успел покататься и бросить: сестру Мишель Пфайффер Диди, будущую жену Джона Траволты Келли Престон, Талию Балсам, звезду «Ангелов Чарли» Люси Лью, Рене Зеллвегер и многих других.

С Амаль Аламуддин всё вышло иначе. Клуни и Амаль познакомились на одном из светских мероприятий в Лондоне. Наверное, Клуни привлекло то, что Амаль была совершенно не похожа на всех его предыдущих пассий. Живущая в Лондоне уроженка Бейрута закончила Оксфорд и школу права Нью-Йоркского университета. Но, конечно, никакие карьерные достижения не привлекли бы ценителя женщин Клуни, если бы не красота избранницы. В 2013 году она вошла в рейтинг самых красивых женщин-юристов по версии портала Tumblr. Как отметил тогда автор рейтинга, Амаль «является недостижимым идеалом женственности: она одновременно потрясающе красива и очень успешна».

 ЗВЁЗДНАЯ ПАРА

Интернет-радио имени себя

Леонид Агутин и Анжелика Варум назвали новое интернет-радио своими инициалами – «ЛААВ».

Для поклонников звёздной четы Леонида Агутина и Анжелики Варум приятное известие. Теперь фанаты смогут круглосуточно слушать любые мелодии в исполнении любимых певцов, так как на онлайн-ресурсе «ЛААВ» будут транслировать исключительно композиции в исполнении Агутина и Варум или же кавер-версии их песен в исполнении их коллег по цеху.

Кроме этого, фанаты смогут услышать интервью с любимыми артистами, а также неизвестные записи, которые не включены в официальную дискографию.

 ТЕАТР

Сергей Безруков в хорошей форме

Художественный руководитель Московского губернского театра Сергей Безруков к открытию нового театрального сезона решил подойти нестандартно.

Перед тем как рассказать о премьерах и планах, актер и режиссер 50 раз отжался от мраморного пола прямо в фойе театра. «Надо жить, а не проживать», – сказал Сергей. Зарядка проходила под песню Владимира Высоцкого «Утренняя гимнастика», и вместе с худруком размялись другие актёры его театра. Таким образом труппа приняла участие во всероссийском флешмобе «Сдай норму ГТО или перечисли деньги в благотворительный фонд».

После того как зарядка была закончена, Сергей торжественно сообщил, что передает эстафету дальше – своеобразный вызов от него получили Дмитрий Дюжев, Константин Хабенский, Михаил Пореченков и Михаил Задорнов. Но несмотря на то что первая часть флешмоба была честно выполнена, Безруков заверил, что и пожертвования в фонды Чулпан Хаматовой и Константина Хабенского он тоже сделал.

 ДАНИЛА КОЗЛОВСКИЙ | «Когда появляется азарт, стараюсь отпустить себя»

Обаятельный хулиган

МАРИНА КУЗНЕЦОВА,
«Теленеделя»

Глядя на обаятельного актёра с хорошими манерами, сложно представить, что он мог бить стекла на стройках, убежать из дома и воровать пирожные в ресторане! В беседе с корреспондентом Данила с удовольствием и ностальгией вспоминал о своем хулиганском прошлом.

— Считаю, что детство у меня было очень правильным. Вместе с братьями, Гогой – Егором, он старший, у нас два года разница – и Ваней – он на полтора года младше, чего только не вытворяли. Конечно, не обходилось без приводов в милицию – там нас уже знали: «Ага, снова Козловские...» Проводили воспитательные беседы и отпускали, ведь ничего действительно серьезного мы, слава богу, натворить не успели.

По части плохого я выступал заводилой. Что-то разбить, своровать – эти идеи обычно принадлежали мне, хотя братья тоже отличались. Чтобы избежать наказания, я не раз убежал из дома. Самый памятный побег длился сутки. Мне было лет семь. Я тогда сильно в чем-то провинился и подговорил братьев бежать вместе. Когда надоело шататься по улицам, решили исследовать чердаки окрестных домов. В ту же ночь я выкурив свою первую сигарету. А под утро Гога и Ваня сказали: «Ладно, родной, ты эту кашу заварил, ты и расхлебывай, а мы возвращаемся домой!» Они ушли, а я остался. На вторую ночь зашел в соседний подъезд и там уснул. Утром меня увидела соседка и отвела к маме.

— Дома ждал разнос?

— Нет. Мама была счастлива, что я вернулся. Потом, конечно, были всякие разговоры и воспитательные меры. Не помню, чтобы мама меня когда-нибудь ругала. Мы с мамой по-настоящему близкие друзья. Мама – это первый человек, к которому я пойду, если мне будет плохо.

— Знаю, что вы учились в кадетском корпусе. Обычно туда отдают либо тех, кто мечтает о карьере военного, либо на перевоспитание...

— В моем случае – скорее второй вариант. Сначала возникла идея отдать в кадетский корпус Гогу и Ваню, которые на тот момент совсем выбились из-под контроля. Но я не мог представить себя во дворе без братьев и уверенно заявил, что поеду в Питер с ними. Через пару месяцев братьев отчислили – они сделали для этого всё возможное. Я с чего-то решил взяться за ум.

— Быстро привыкли к жёсткой дисциплине?

— Довольно строгий режим жизни – по сути облегчённая форма казарменного положения – меня не пугал, было даже интересно. На выходные, когда всех нас отпускали по домам, можно было гулять по Питеру или играть в футбол сколько хочешь. Раз в месяц меня навещала мама, а на каникулы я возвращался в Москву.

— Мне кажется, вы один из немногих выпускников кадетского корпуса, поступивший в театральный вуз. Слишком уж разные сферы... В какой момент решили стать актёром?

— В последние годы обучения в кадетском корпусе понял, что хочу связать свою жизнь с этой профессией. Первое, что сказала мне мама: «Ты должен понимать, что это страшный мир, риск колоссальный и никто не застрахован от невостребованности и безработицы». Каждый год в стране выпускается около 300–500 артистов, а количество театров не увеличивается. Конкуренция сумасшедшая. И вообще, как выразился Уинстон Черчилль: «Ничего, кроме пота, крови и труда, я вам не обещаю».

— Поступление не было для вас испытанием?

— Все переживания достались маме. Она меня готовила, нервничала за меня, не спала ночами. Дежурила каждый день около театральной академии, пока я сдавал экзамены. Все напряжение тех дней взяла на себя.

До второго тура можно поступать ко всем педагогам сразу, а после плей-офф: нужно отдать документы одному мастеру, и если он тебя не взял, то всё – ты вылетаешь. Мне гарантировали поступление все, кроме Льва Абрамовича Додина. Потому что он – фигура мирового масштаба – не будет ничего гарантировать 17-летнему сопляку. Всю ночь с мамой обсуждали, рисковать или нет. Решили сдать документы Льву Абрамовичу.

— С удивлением узнала, что при поступлении у вас были проблемы с дикцией.

— Пока мало что исправлено, к сожалению. И на экране это слышно, и на сцене. Всё дело в моей лени. И если я что-то в этом направлении преодолел, то только благодаря моему учителю – потрясающему педагогу по речи Валерию Николаевичу Галендеву. У меня два учителя – Лев Абрамович Додин и Валерий Николаевич Галендев – заместитель художественного руководителя Малого драматического театра – Театра Европы Льва Додина. Они более 30 лет работают вместе. Знаю, что при поступлении шло обсуждение, кого брать на курс, а кого – нет. Когда спросили: «Что будем делать с этим молодым человеком, который не выговаривает ни одной

буквы?» Валерий Николаевич ответил: «Оставьте его мне. Это моя юрисдикция».

— А как было с дисциплиной в театральной академии?

— У всего курса с дисциплиной был порядок, за исключением нескольких человек, которые в итоге не доучились. Нам сразу дали понять, что если хотим чего-то добиться, нужно работать. Вывели расписание, и мы начали пахать ежедневно с 9.30 и до полуночи. Дисциплина была во всём – начиная от униформы и до прямой спины, когда сидели на табуреточках во время занятий по актёрскому мастерству. По сей день стараюсь приходить в театр за несколько часов до спектакля, чтобы спокойно подготовиться. Только однажды спектакль отменили – мне сделали операцию, и я не успел восстановиться.

— Вы же и со сломанной рукой как-то играли. Боли в тот момент не чувствовали?

— Не думал об этом. Так вышло, что перед премьерой сломал руку. Премьеру играл в гипсе – никто этого и не заметил. Конечно, лучше ничего не ломать, и чтобы не мешали мобильные телефоны во время спектакля, и не встречалось пьяных зрителей в зале, и текст не вылетал из головы... Но, с другой стороны, это тоже часть живого пространства театра.

— Много ли осталось в вас юношеского хулиганства? Способны ли сейчас на глупости, безумие и есть ли в этом потребность?

— Потребность точно есть. Если честно, узнаваемость меня не очень сдерживает. Когда появляется азарт, воз-

Мама – это первый человек, к которому я приду, если мне будет плохо

можность сойти с ума, то стараюсь отпустить себя. Например, в экспедиции на Бали, в свободное от съёмки время отрывались по полной: купались по ночам,

гуляли до четырёх утра, а в последнюю ночь на острове все пошли серфить. Потом ещё была безумно весёлая ночь в Бангкоке. Это было замечательно, и это то, что запоминается и питает тебя долгое время.

— Вы так тепло отзываетесь о маме во всех интервью... Интересно, а себя в роли отца уже представляете?

— Конечно! Обожаю детей! У меня есть крестники – крестные сын и дочка. Есть племянницы: две дочки младшего брата, одна – старшего. Я получаю какое-то космическое удовольствие от общения с ними и, безусловно, задумываюсь о собственных детях. Но тут уж, как говорится, всему своё время!